

— Какого лекаря ты нашёл? — спросил Юн Шань, подняв взгляд на Чжан Чэня.

— Придворного лекаря Чжао, Ваше Высочество, — ответил мужчина с лёгким поклоном.

Юн Шань вновь взглянул на Юн Ци. Тот спал, но лицо его выражало сильную усталость. Губы у него пересохли, скулы покрылись сильным румянцем, а по тонкой шее на ткань скатилась капелька пота.

— Найди другого. Однажды в детстве Юн Ци тяжело заболел, и его расположили в покоях придворного лекаря Чжана, который ухаживал за ним. Ему знаком организм Юн Ци. Приведи его, пусть он проведёт осмотр.

— Слушаюсь!

— В следующий раз, если Юн Ци вновь внезапно заболевает, ты должен немедленно прислать своих слуг и доложить мне об этом.

— Слушаюсь!

Скулы Юн Ци покрылись румянцем, и жар охватывал всё тело. Даже в таком состоянии Юн Ци был очарователен в своей слабости. Юн Шань провёл пальцами по горячей коже, но вспомнил, что в этой комнате они не одни. Как ему хотелось остаться наедине с этим человеком, даже рискуя быть заражённым!

— Если на этом всё, можешь идти, — произнёс он, не отнимая ладони от чужого лица.

— Слушаюсь, — склонив голову, снова повиновался Чжан Чэнь, а после скосил взгляд в сторону лежащего на постели Юн Ци.

Всё ещё не можешь успокоиться, да? Не можешь смириться с тем, что твои братья вместе «изучали» дворец императора без тебя? Не можешь понять, что Юн Ци особенного нашёл в твоём брате, если вы родились совершенно одинаковыми?

В тот вечер, когда Юн Ци привели в комнату, внутри никого не было, кроме него и Юн Шаня, но Чжан Чэнь, пришедший через несколько часов с несколькими людьми проверить состояние бывшего кронпринца, сразу понял, что произошло. Он обнаружил на теле юноши синяки, оставленные младшим братом, но о большем говорил пустой взгляд этого красивого юноши, который не выражал ровным счётом ничего.

Повинуясь приказу второго принца, мужчина вышел, оставив Юн Ци наедине с Юн Шанем.

Когда деревянная дверь с тяжёлым грохотом закрылась, веки Юн Ци дрогнули. Заметив это, Юн Шань смягчил взгляд. Неужели братец захотел одурачить его? Склонившись над Юн Ци, Юн Шань коснулся холодными пальцами чужих век, чувствуя их мелкую дрожь. Необъяснимые чувства наполнили сердце второго принца. Он наслаждался этими прикосновениями и не испытывал никакого стыда за свои эмоции, которые теперь наполняли его душу.

— Всё ещё притворяешься спящим? — спросил он. Голос его был холоден настолько, что кровь стыла в жилах. Он отнял пальцы от чужого лица и коснулся закрытых век губами. Юн Ци сразу же оттолкнул брата и распахнул глаза, полные гнева и ужаса.

— Что тебе ещё нужно? Зачем ты здесь? Тебе что, недостаточно моего позора? — хрипло

спросил Юн Ци. Болезнь не позволяла ему говорить в полный голос, но Юн Шань отчётливо уловил ненависть.

— Разве этого может быть достаточно? — спросил принц злорадным тоном.

Юн Ци смотрел на него с тревогой, и его ненависть не могла заглушить этого чувства. Он был перепуган до смерти вчерашним вечером, и теперь никакая сила не могла скрыть его ужаса.

— Не думай, что всё закончится так быстро, — послышался голос Юн Шаня снова. — Вчера была лишь прелюдия. Сегодня мы займемся кое-чем более интересным.

— Пошёл вон!

Юн Шань был сегодня менее сдержан: он смотрел, будто коршун на добычу. Юн Ци отвернулся, не желая видеть и дальше подобную картину, но его с силой перевернули обратно, опрокидывая на спину.

— Юн Шань, хватит!

Тёплое одеяло из гусиного пуха было быстро сброшено на пол. Несмотря на то, что слуги всю ночь в поте лица рыли тоннель для вывода горячего воздуха и к утру сумели закончить его, они, кажется, слишком переусердствовали, отчего теперь холодный воздух охватил всё тело взмокшего Юн Ци, заставляя его мелко дрожать. Охваченный ужасом, словно маленький пойманный зверёк, юноша забился в угол кровати, стараясь найти там хоть какое-то убежище.

Заметив обнажённую ногу, Юн Шань одной рукой схватил брата за лодыжку, что была тоньше, чем у женщины. На ней красовался красный след, оставленный верёвкой. Он притянул к себе Юн Ци, который всё сопротивлялся, не желая покидать свой уголок, и обнял его, не выпуская из рук.

— Не надо! Отпусти меня!

Юн Шань радовался, как ребёнок, когда в объятия вновь попала его любимая игрушка, пусть и дрожащая всем телом от холода и испуга. Раньше ему приходилось лишь издалека любоваться этой красотой, но теперь он мог заключить её в свои объятия всякий раз, когда захочет.

Одно лёгкое движение заставило белый шёлковый пояс медленно развязаться и соскользнуть с тонкой талии. Белое шёлковое платье само собой распахнулось, приоткрывая вид на тонкое хрупкое тело.

Этот вид словно дразнил Юн Шаня, и он, стиснув запястья старшего брата, лениво потянул ткань, ещё больше обнажая тонкое тело. Юн Ци дёрнулся, пытаясь освободиться, но что мог сделать слабый больной юноша против сильного и здорового кронпринца?

— Ты так прекрасен, — подразнил брата Юн Шань, зная, что от подобного комплимента Юн Ци будет не в восторге.

Две изящные застёжки были расстегнуты его ловкими пальцами, обнажая маленькую плоть. Холодные пальцы коснулись нежной кожи, и Юн Ци показалось, что к ней приложили кусочек льда.

— Юн Шань, прекрати, — снова попросил Юн Ци, от простого прикосновения почувствовавший такой стыд, что ему захотелось провалиться сквозь землю. Он уже тысячу раз пожалел, что не может безболезненно вознестись на небеса, не в силах больше терпеть эти пытки. Вчера он пережил позорное унижение, и ему было бы легче это вынести, если бы его мучителем был не младший брат. Он не мог понять, в чём же он так провинился, что заслужил такую жгучую ненависть Юн Шаня, которому теперь приносили удовольствие столь унижительные вещи.

— У тебя действительно больше нет ничего другого, кроме «отпусти», «не надо» и «прекрати»? — спросил Юн Шань и склонился ниже, от злости прикусив чувствительную мочку старшего брата.

Императрица была права. Пусть Юн Ци и был старшим братом, он был куда слабее младших принцев. Его руки и ноги были тонкими и нежными, будто женскими, хрупкими и слабыми. Разве такой человек мог сопротивляться сильному воину, каким был Юн Шань, никогда не пренебрегавший тренировками?

Юн Ци колотило.

— Отпусти, Юн Шань.

Он пытался совладать со своими эмоциями, и в голове мелькнула мысль, что не стоит покорно лежать в руках этого человека сломленной добычей. Юн Шань, почувствовав сопротивление, с силой сомкнул зубы, жёстко прикусив нежную мочку.

От резкой боли, что пронзила всё его тело, глаза Юн Ци наполнились слезами. Боль от укуса за руку не была бы столько сильной, но Юн Шань знал, что кусать, чтобы нельзя было сдержать слез.

— Не надо! — взмолился Юн Ци. — Не кусай!

Тело кронпринца обдало жаром, как только он услышал мольбы беспомощного брата. Милостиво отпустив истерзанную до крови мочку, на которой теперь остались следы зубов, он слизал кровь, смочив глубокие следы, оставленные беспощадными зубами.

— Шшш... — Горячее дыхание обожгло ушко Юн Ци. — Если ты так боишься боли, будь чуть послушнее, — насмешливо произнёс юноша низким голосом.

Юн Ци чувствовал себя в шаге от смерти, и когда он почувствовал за спиной движение, он и вовсе перестал сопротивляться. Его запястий коснулось что-то очень знакомое, и юноша мгновенно понял, что это верёвка, которой вчера его связывал Юн Шань. Юн Ци вдруг почувствовал приступ удушья, а после его накрыла паника.

— Нет! Юн Шань, я покорно подчиняюсь тебе. Ни к чему меня связывать!

Над его головой послышалась холодная ядовитая усмешка.

— Неужели подчиняешься? — спросил Юн Шань, делая намёк на недавнее сопротивление, которое было подавлено грубой силой.

— Ты скоро станешь наследником престола, и я не могу не подчиняться тебе. Даже если я захочу, я не смогу помешать тебе, поэтому... Не связывай меня.

Но Юн Шань был глух к его мольбам. Какое бы наслаждение он ни получал от своего превосходства, никакие слова не могли остановить его от воплощения задуманного. Снова подавив сопротивление силой, он связал его запястья и перевернул лицом вниз, вдавливая в толстый матрац. Юн Ци едва не задохнулся от плотной ткани, которая перекрыла доступ к воздуху, и когда Юн Шань наконец-то дал брату вздохнуть, перестав надавливать на затылок, Юн Ци с ужасом понял, что брат раздвинул его ноги.

— Юн Шань, что ты... Что...

Недавно надетые на него белые штаны теперь были изорваны в клочья заботливыми руками младшего брата, который широко раздвинул тонкие ноги Юн Ци.

— Ты действительно не догадываешься, что я собираюсь сделать? — раздался равнодушный голос Юн Шаня, которому, очевидно, было всё равно, понимает ли его брат, что происходит, или нет.

— Ты уничтожишь меня!

Юн Шань легко рассмеялся.

— Значит, ты всё понимаешь.

Одного движения Юн Шаня хватило, чтобы сорвать с больного остатки одежды, обнажив белую кожу. Возможно, из-за высокой температуры тело Юн Ци было горячим, словно он только что вышел из ванной, однако оно мелко подрагивало, словно знало, что скоро испытает то, что никогда не испытывало.

Руки Юн Шаня потянулись к мягким ягодицам, сводящим с ума, и сильно смяли их в сильных ладонях, словно ничего более приятного никогда не трогали.

— Нет! — снова воспротивился Юн Ци, барахтаясь, будто рыба, выброшенная на берег.

Юн Шань с силой надавил на спину, снова вдавливая Юн Ци в матрац и подавляя его сопротивление. Приподняв его бедра, он устроил их на своих коленях. Он сминал свободной рукой упругие ягодицы, грозясь оставить на них синяки, и совсем скоро его взору предстало колечко мышц, до сих пор скрытое от посторонних глаз одеждой. Юн Шань не отрывал взгляда от этой картины, и его пальцы попытались проникнуть внутрь, растягивая девственный вход. Юн Шань отнял руку от чужой спины, полностью увлечшись тонкими ногами.

— Я прошу, Юн Шань, умоляю, не надо!

Связанные за спиной руки не позволяли Юн Ци сопротивляться в полную силу и потому он не оставлял попыток свести ноги вместе, пусть это и было бесполезно. Он понимал разницу их сил, но разве мог он бросить всё на самотёк?

Юн Шань в глубине души ликовал, что не смог полностью подавить сопротивление, однако всё же решил наказать юношу за неподчинение и без лишних слов, отбросив все нежности, резко ввёл палец внутрь.

Юн Ци вскрикнул от боли, что неожиданно пронзила его тело. Он пытался отползти, чтобы хоть как-то избежать этих мучений, но Юн Шань быстро понял намерения связанного принца и снова прижал его к постели, не позволяя убежать. Какие бы страдания он не приносил Юн Ци, его пальцы продолжали своё дело, принося лишь жгучую боль.

— Больно? — с холодной заботой спросил Юн Шань, словно боль старшего брата его вовсе не трогала.

Юн Ци промолчал, дрожа всем телом от боли и холода, за что был наказан ещё более глубоким проникновением. Юн Шань был беспощаден.

— Не надо!

— Когда тебя спрашивают, нужно отвечать, — сказал Юн Шань и, вновь смягчившись, спросил: — Больно?

Юн Ци готов был выть от боли, и когда Юн Шань добавил ещё один палец, несчастному оставалось лишь пробормотать, глотая слёзы:

— Больно. Очень больно...

Юн Шань ненадолго остановился.

— Юн Линь касался тебя здесь?

Юн Ци застыл, словно не расслышал слова брата, и когда он понял, о чём тот спрашивал, лишь нерешительно покачал головой, тихо глотая слёзы. Холодный взгляд Юн Шаня, словно ледяная игла, вонзился в обнажённую изогнутую спину.

— Ложь.

Холодные пальцы вновь проникли глубже, специально царапая ногтями нежную чувствительную кожу. Юн Ци казалось, будто жизнь покидает его, и это лишь усугубляло его и без того плачевное состояние.

— Я не лгу, — тихо всхлипнул принц. — Я не лгу. Не лгу...

— Я не верю тебе. Скажи мне правду.

— Он не трогал меня, не трогал! Правда! — жалобно завопил несчастный.

Юн Ци задыхался. Страшно, больно, еще и поза крайне неудобная: его руки связаны, у него нет сил, чтобы подняться. Заметив эту реакцию, Юн Шань, кажется, поверил словам брата. Пальцы, погружённые в горячее нутро, медленно выскользнули, покидая тело.

— Всё, хватит плакать, — раздался голос Юн Шаня, в котором отчётливо чувствовалась нежность. — Я терпеть не могу, когда ты плачешь.

— Отпусти меня, слышишь? Отпусти, — шёпотом умолял Юн Ци.

Юн Шань послушал его, и уже через несколько секунд Юн Ци смог свести вместе тонкие ноги.

— Опять ты выскользнул из моих рук, — раздался голос Юн Шаня с тенью печали. — Неужели я действительно с детства вызывал у тебя отвращение?

Юн Ци показалось, что он ослышался. В детстве он никогда не относился к младшему брату с отвращением, и у него не было даже мысли хоть как-то обидеть Юн Шаня. Почему же ему казалось, что в юном возрасте Юн Ци ненавидел его?

<http://bllate.org/book/13372/1189543>